

A detailed oil painting depicting a man from behind, wearing a brown hat and a vibrant red coat, with a messenger bag slung over his shoulder. He stands on a path, looking towards a grand, classical building with a large golden dome and a portico of columns. The scene is set in autumn, with trees showing bright orange and red foliage. The sky is filled with soft, white clouds. The overall style is realistic with a painterly texture.

евгений пронин

Историк

евгений пронин

Историк

«Автор»

2026

пронин е.

Историк / е. пронин — «Автор», 2026

Кандидат наук Краев из 21 века попадает в в начало 20 века. Его знания позволяют ему попытаться изменить ход истории. Не допустить кровопролития и гражданской войны. Получится у него или нет...?

© пронин е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38

ЕВГЕНИЙ ПРОНИН

Историк

Глава 1

Глава первая: Тень истории

Кабинет мой — храм памяти и размышлений. Каждая полка, каждый уголок хранит следы минувших столетий. Старая лампа с зелёным абажуром отбрасывает мягкий свет на груды книг, журналов и фотографий. Порой кажется, что стены шепчут имена великих, чьи судьбы определили ход истории. Среди них — Владимир Ильич Ленин, человек, чьё имя до сих пор вызывает споры и страсти.

Я, кандидат исторических наук Александр Краев, посвятил свою жизнь изучению революций, социальных трансформаций и альтернативных путей развития. Особое место в моих исследованиях занимает фигура Ленина. Его личность притягивала меня с юности — холодный рационализм, железная воля и одновременно противоречивые решения, которые до сих пор заставляют историков спорить.

Часто я задаю себе вопрос: что было бы, если бы Ленин прожил дольше? Сколько раз я прокручивал в голове возможные сценарии, пытаюсь представить, как могла бы измениться судьба России и всего мира. Этот вопрос не давал мне покоя, становился навязчивой идеей, превращая бессонницы в бесконечные размышления.

Рабочее место стало своеобразным алтарем поклонения прошлому. Здесь собраны десятки биографий Ленина, копии редких документов, фотографии с подписанными автографами. Особую ценность представляют письма, найденные мной в забытых архивах — свидетельства живых эмоций и сомнений человека, которого привыкли считать машиной революции.

Однажды, перелистывая старые газеты, я наткнулся на странную деталь: на фотографии, запечатлевшей Ленина после покушения Фанни Каплан, рядом с вождем виднелась неясная тень. Исследователи списывали её на дефект плёнки, но я чувствовал — здесь кроется нечто большее. Эта тень преследовала меня неделями, пока однажды, совершенно неожиданно, не появилась в моих снах.

С этого момента моя жизнь изменилась. Я начал искать доказательства, изучать аномалии пространства и времени, пытаться понять, возможен ли перенос сознания в прошлое. Мой научный руководитель называл это безумством, коллеги крутили пальцем у виска, но я не сдавался. Чувствовал, что близок к разгадке.

Помню тот вечер, когда профессор кафедры истории, старый друг нашей семьи, пригласил меня к себе домой. Его квартира располагалась в старом доме на Арбате, и каждый её уголок хранил дух прошедших десятилетий. Войдя в кабинет, я сразу обратил внимание на огромный письменный стол, заваленный книгами и рукописями. На стенах висели старинные гравюры и фотографии, а в углу стоял массивный сейф, покрытый слоем пыли.

— Садись, Александр, — предложил профессор, указывая на кресло напротив. — Я нашёл кое-что интересное специально для тебя.

Он достал из ящика стола пожелтевшие листы бумаги и бережно разложил их передо мной.

— Это дневник одного из охранников Ленина, — объяснил он. — Нашёл его совершенно случайно, в заброшенном архиве. Почитай, думаю, тебе будет интересно.

Я взял в руки тетрадь и начал читать. Записи были сделаны неровным почерком, местами смазанным, словно от волнения. Охранник описывал тот роковой день августа 1918 года, когда

Фанни Каплан совершила покушение на Ленина. Но самое удивительное было в последнем абзаце:

«В тот момент, когда я услышал выстрел, рядом с Владимиром Ильичом появился неизвестный человек. Он резко оттолкнул его в сторону, но пуля уже попала в Ильича, не убила, но ранила. Я бросился к ним, но незнакомец исчез так же внезапно, как и появился.»

Я поднял глаза на профессора, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди.

— Что думаете об этом? — спросил я, не сводя глаз с записей. — Кто был этот человек?

Профессор задумчиво потер подбородок.

— Думаю, это не просто совпадение, Александр. Возможно, мы нашли доказательство того, что прошлое можно изменить.

Мы долго сидели молча, каждый погружённый в свои мысли.

Я брёл домой, сжимая в руках потёртую тетрадь охранника, подаренную профессором. Её шероховатые страницы словно пульсировали теплом, согревая душу и одновременно рождая тысячи вопросов. В голове кружились мысли о загадочном незнакомце, спасшем Ленина, о тени, мелькнувшей на старой фотографии, о словах профессора.

Осень в Москве всегда навевает особые настроения — меланхолические, задумчивые. Листья падали с деревьев, словно строчки незавершённого стихотворения, шурша под ногами, напоминая о быстротечности времени. Я шёл медленно, погружённый в размышления, не замечая никого вокруг.

Каждый шаг отзывался эхом в сознании, каждое дыхание казалось частью какого-то древнего ритуала. Я думал о Ленине, о его воле и сомнениях, о том, как один человек может изменить ход истории. И вдруг, совершенно неожиданно, в голове всплыла фраза из дневника охранника: «В тот момент, когда я услышал выстрел, рядом с Владимиром Ильичом появился неизвестный человек. Он резко оттолкнул его в сторону, но пуля уже попала в Ильича, не убила, но ранила. Я бросился к ним, но незнакомец исчез так же внезапно, как и появился.»

Кто был этот человек? Зачем он спас Ленина? И почему исчез, не оставив никаких следов? Эти вопросы не давали мне покоя.

Вдруг чей-то тихий, но удивительно приятный голос вырвал меня из потока мыслей:

— Хорошая книга, молодой человек?

Я вздрогнул и обернулся. Прямо передо мной стоял невысокий старик с седой бородой, одетый в длинный чёрный плащ и старую, выдавшую виды шляпу. Его глаза, необычайно яркие и синие, словно два осколка летнего неба, смотрели на меня с доброжелательной заинтересованностью.

— Да, — ответил я, слегка растерявшись. — Это дневник одного из охранников Ленина.

Старик улыбнулся, и его лицо осветилось детской радостью.

— Ах, Ленин... Великий человек! — Он вздохнул, и в его голосе прозвучала неподдельная искренность. — Я всегда преклонялся перед его волей и умом. Настоящий титан своего времени!

Мы остановились и присели на скамейку в маленьком сквере, окружённом голыми деревьями. Старик удобно устроился, поправив полы плаща, и продолжил:

— Знаете, молодой человек, я верю, что история не линейна. Она подобна огромному дереву, где каждая веточка — отдельная реальность, отдельный путь развития событий. Представляете, сколько таких ветвей могло вырасти из одного маленького происшествия?

Я внимательно смотрел на него, чувствуя, как мурашки пробегают по коже. Его слова странно перекликались с моими собственными мыслями.

— То есть вы хотите сказать, что существуют параллельные миры? — уточнил я, стараясь скрыть волнение.

Старик кивнул, его глаза загорелись особым блеском.

— Именно так! И знаете, что самое удивительное? Иногда эти ветви пересекаются. Случайно или неслучайно — судить не нам. Но факт остаётся фактом: встречаются люди, способные переходить из одной ветки в другую, менять течение времени, влиять на ход истории.

На какое-то время он замолчал, слушая, как не опавшие еще листья, шуршат под порывами ветра, словно шепчут древние тайны.

— А вы верите в такие чудеса? — спросил старик, лукаво прищурившись.

Я задумался ненадолго, а потом решительно ответил:

— Честно говоря, до сегодняшнего дня я считал это чистой фантастикой. Но после всего, что произошло... — Я замолчал, не зная, стоит ли рассказывать незнакомцу о дневнике и своих подозрениях.

Старик понимающе кивнул:

— Понимаю вас. Трудно поверить в подобное, когда всю жизнь изучал сухие факты и цифры. Но ведь история — это не только даты и события. Это живая ткань, сотканная из судеб миллионов людей. И иногда достаточно одного-единственного поступка, чтобы изменить весь рисунок этой ткани.

Мы продолжали разговаривать до самой темноты, обсуждая невероятные возможности и последствия смены исторических траекторий. Старик рассказывал удивительные истории, приводил примеры из мифов и легенд разных народов, доказывая, что идея многомерности пространства существовала всегда.

Перед тем как расстаться, он крепко пожал мне руку и тихо произнёс:

— Запомните, молодой человек: прошлое — это не цепь, сковавшая нас навечно. Прошлое — это полотно, на котором мы можем рисовать новые картины будущего. Главное — верить и не бояться перемен.

Я смотрел вслед старику, пока его фигура не растворилась в густых осенних сумерках.

Глава 2

Глава вторая: Погружение в эпоху

Я стоял за кулисами, чувствуя, как сердце колотится в груди. Вдох-выдох, вдох-выдох. Шинель плотно облегла плечи, фуражка слегка съехала набок, придавая моему облику дополнительную строгость. Я — красноармеец, защитник революции, участник исторического собрания, посвящённого победе Октябрьской революции. Сегодня вечером клуб любителей истории превратился в машину времени, отправляющую нас в ноябрь 1917-го.

Зал был наполнен атмосферой ожидания. Деревянные столы, грубые стулья, красные транспаранты с лозунгами, портреты Маркса и Энгельса, керосиновые лампы — всё это создавало ощущение настоящего путешествия во времени. Участники, переодетые в костюмы той эпохи, оживлённо переговаривались, поправляли грим, настраивались на серьёзный лад. Кто-то нервно тербил края гимнастерки, кто-то с воодушевлением декламировал фрагменты выступлений большевиков.

— Товарищи! — громко провозгласил я, обходя импровизированную сцену. — Сегодня мы попытаемся воскресить один из самых знаковых моментов русской истории — собрание, посвящённое речи Ленина о победе Октябрьской революции. Постарайтесь вжиться в свои роли, почувствовать дух времени!

Студенты и другие участники оживлённо зашумели, репетируя свои реплики, поправляя костюмы, настраиваясь на серьёзный лад. Атмосфера в помещении становилась всё более напряжённой и торжественной.

— Александр Владимирович, а правда, что Ленин был отличным оратором? — спросил один из студентов, поправляя фуражку.

— Безусловно, — ответил я, улыбаясь. — Его речи были просты, доходчивы и невероятно убедительны. Он умел зажигать сердца слушателей, внушать им веру в светлое будущее.

— А что именно он говорил в той знаменитой речи? — полюбопытствовала девушка в косынке, игравшая роль рабочей делегатки.

Я подошёл к небольшому столу, на котором лежали конспекты и вырезки из газет.

— Ленин говорил о том, что рабы всех наций должны подняться против своих угнетателей, превратить войну между богачами в войну за освобождение трудового народа. Он утверждал, что Октябрьская революция открыла новую эпоху в истории человечества, показала путь к освобождению от эксплуатации и войн. Это была поистине революционная речь, полная пафоса и надежды.

Участники внимательно слушали, впитывая каждую фразу, стараясь запомнить ключевые моменты выступления. Атмосфера в зале становилась всё более напряжённой и торжественной.

— Ну что ж, товарищи, — произнес я, глядя на часы. — Пора начинать. Пусть сегодняшний вечер станет не просто реконструкцией, а настоящим путешествием во времени!

Занавес медленно раздвинулся, открывая зал, заполненный зрителями. Лампы вспыхнули ярче, освещая сцену тёплым светом. Участники заняли свои места, приготовившись к началу представления.

Первым на трибуну поднялся участник, исполнявший роль Ленина. Среднего роста, с высоким лбом, характерными залысинами, пронизательным взглядом и небольшой бородкой. Он выглядел сосредоточенным, его мимика и жесты были очень экспрессивны, что усиливало впечатление от его слов. Его костюм безупречно воспроизводил внешний облик вождя революции.

— Товарищи! — громко провозгласил он, поднимая правую руку. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась!

Зал взорвался аплодисментами. Участники, находящиеся на сцене, синхронно подняли руки, скандируя лозунги: «Вся власть Советам!», «Земля крестьянам, фабрики рабочим!», «Мир народам!»

Я, в роли солдата, стоял в первом ряду, внимательно слушая каждое слово. Во мне бурлили эмоции: вера в светлое будущее, надежда на лучшую жизнь, готовность сражаться за идеалы революции. Я чувствовал, как моё сердце бьётся в унисон с ритмом истории, как прошлое и настоящее сливаются в единое целое.

Яркий свет внезапно померк, звуки голосов стихли, и на долю секунды я оказался в полной тишине и темноте. Сердце ёкнуло от страха и непонимания. Потом свет вернулся, но всё вокруг изменилось. Исчезли знакомые лица, декорации, зрители. Вместо них я увидел подлинную, настоящую толпу людей, одетых в изношенные шинели и грязные платки. Их глаза горели настоящей страстью и надеждой, а не игрой актёров.

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась!

Это был не актёр. Это был живой, настоящий Владимир Ильич Ленин. Я находился в Петрограде, среди людей, которые вершили историю собственными руками. И в этот момент я понял: прошлое больше не просто страницы учебника.

Я стоял в толпе, зачарованно слушая голос Ленина, и во мне одновременно кипел целый котёл эмоций — восхищения, восторга, страха и растерянности. Никогда прежде я не испытывал ничего подобного: великий вождь революции, человек, о котором написаны сотни книг и диссертаций, стоял передо мной живой, настоящий, плоть от плоти.

Его речь была проста и сильна, каждое слово попадало прямо в сердце, заставляло кровь быстрее бежать по венам. Я смотрел на лица окружающих — рабочих, солдат, матросов — и видел в их глазах ту же самую искру надежды и веры, что горела и во мне. Мы все были едины в этот момент, связаны невидимой нитью.

Но вместе с этим восторгом рос страх. Страх перед неизвестностью, перед будущим, которое теперь было для меня чужим. Я понимал, что не смогу вернуться в своё время. Машины времени не существовало, портал закрылся, и я остался здесь, в 1917-м году, среди людей, которые даже не подозревали, какое будущее их ожидает.

Моя жизнь, моя карьера историка, мои родные и близкие — всё осталось там, в XXI веке, за гранью времён. Теперь я был один, брошенный в водоворот истории, лишённый опоры и уверенности в завтрашнем дне. Куда идти? Что делать? Кем стать в этом новом для меня мире?

Я огляделся, пытаюсь найти хоть какую-то точку опоры. Люди вокруг продолжали скандировать лозунги, размахивали красными флагами, но их голоса доносились до меня словно сквозь толщу воды. Я чувствовал себя посторонним наблюдателем, случайным гостем на чужом празднике жизни.

Внезапно чья-то рука легла мне на плечо. Я вздрогнул и обернулся. Рядом стоял невысокий человек в очках, с интеллигентным лицом и внимательными глазами.

— Новенький? — спросил он участливо. — Первый раз на таком собрании?

Я кивнул, не зная, что ответить. Он улыбнулся, показав ровные зубы.

— Ничего, привыкнешь, — ободрил он меня. — Тут многие сначала теряются. А ты откуда будешь?

— Из... Москвы, — ответил я первое, что пришло в голову.

— Ясно, москвич, — кивнул собеседник. — А я местный, петроградский, Миша.

Мы познакомились, и Миша стал моим первым настоящим контактом в этом новом мире. Он был членом РСДРП(б), участвовал в организации митингов и демонстраций, знал многих активистов в лицо. Постепенно, шаг за шагом, он вводил меня в курс местных событий, рассказывал о настроениях в городе, о том, как живут простые люди в эти бурные дни.

Я слушал его рассказы, впитывал информацию, стараясь не выдавать своего происхождения. Временами мне казалось, что я схожу с ума — слишком нереальной была эта ситуация. Но постепенно, день за днём, я начал привыкать к новой реальности.

Глава 3

Глава третья: Новые знакомства

Осень в Петрограде выдалась сырой и промозглой. Низкие свинцовые тучи нависали над городом, словно придавливая его к земле. Редкие солнечные лучи пробивались сквозь мутную пелену дождя, но быстро таяли, уступая место унылой серости. Мокрый снег перемешивался с дождем, покрывая мостовую вязкой кашицей, а ледяной ветер гулял по улицам, проникая под одежду и пробирая до костей.

Миша вёл меня по узким улочкам, где каждый дом, каждый камень хранили отпечаток недавнего восстания. Мы шли мимо закрытых магазинов, мимо разбитых витрин, мимо людей, спешащих по своим делам с тревожными лицами. Город жил особой, нервной жизнью, словно гигантский организм, только что переживавший судороги революции.

— Вот здесь, — указал Миша на приземистое кирпичное здание, — располагается наша ячейка. Здесь мы собираемся, обсуждаем планы, готовим листовки, проводим собрания.

Комната была маленькой и тесной, но тёплой и обжитой. Стол, заваленный бумагами и брошюрами, несколько деревянных стульев, керосиновая лампа, тускло освещавшая углы. На стенах висели плакаты с лозунгами: «Вся власть Советам!», «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!» В углу стояла печка-буржуйка, источая приятное тепло и запах горячего железа.

Здесь я встретил людей, которые стали моими товарищами. Был Николай, бывший рабочий Путиловского завода, коренастый, с мозолистыми руками и суровыми чертами лица. Его волосы были коротко стрижены, а глаза смотрели с нескрываемым упорством и решимостью. Он говорил мало, но каждое его слово было весомым и точным.

Василий, моряк, высокий, статный, с правильными чертами лица и внимательным взглядом серых глаз. Его речь была плавной и мелодичной, с лёгкой приморской интонацией. Он носил бескозырку, сдвинутую на затылок, и имел привычку поправлять её, когда задумывался.

Ольга, молодая учительница, с длинными рыжими волосами, собранными в тугой хвост, и карими глазами, полными огня и решимости. Её голос был звонким и чистым, а смех заразительным. Она всегда улыбалась, даже когда говорила о самых тяжёлых вещах.

Михаил, невысокий, с аккуратной бородкой и мягкими чертами лица. Его очки с толстыми линзами делали его похожим на школьного учителя, но глаза, смотрящие поверх очков, были пронзительными и умными.

— Новичок, — сказал Николай, протягивая мне руку, — будем знакомы. Я Николай.

— Александр, — ответил я, пожимая его крепкую ладонь.

— А я Ольга, — улыбнулась девушка, протягивая маленькую, но горячую руку. — Будем дружить!

Василий молча кивнул, но в его глазах читалось дружелюбие и готовность помочь.

Наша работа начиналась рано утром и продолжалась до позднего вечера. Мы ходили на митинги, выступали перед рабочими и солдатами, рассказывали о программе большевиков, объясняли, почему необходима диктатура пролетариата. Мы писали и распространяли листовки, выходили на улицы с плакатами, участвовали в работе фабрично-заводских комитетов, помогали организовывать распределение продовольствия среди беднейших кварталов города.

Особо запомнилось мне одно задание — реквизировать имущество у богатого купца. Мы пришли к нему ночью: я, Миша, Николай и Ольга. Купец встретил нас с угрозой, но, увидев решимость в наших глазах, отступил.

— Товарищ, — сказал Николай, — мы пришли забрать зерно для нуждающихся семей. Это приказ Совета.

Купец попытался возразить, но Миша спокойно положил руку на рукоять нагана, висевшего у пояса.

— Не советую сопротивляться, гражданин, — тихо произнёс он. — Будет хуже.

Купец сдался, и мы вывезли мешки с мукой и крупой, которые потом раздали семьям рабочих, стоявшим длинной очередью у склада.

— Вот настоящая революция — сказал тогда Миша, глядя на счастливые лица людей. — Не в декретах и лозунгах, а в каждодневном труде, в заботе о ближнем.

Я не мог не согласиться с ним. В этих маленьких делах, в этих ежедневных заботах я чувствовал, как растёт во мне новое чувство. Я перестал думать о прошлом, о потерянной карьере историка, о родных и близких, оставшихся там, в другом времени.

Вечером, когда мы сидели в нашей комнатухе, греясь у буржуйки и попивая горячий чай, Ольга предложила:

— Давайте споём что-нибудь. У меня есть гитара.

Она взяла инструмент, провела рукой по струнам, извлекая чистые, грустные аккорды. Мы запели революционную песню, простую и душевную, ту, что знала каждая семья в те трудные времена.

Голос Ольги взлетал высоко, словно птица, Николай басил глубоко и ровно, Василий подтягивал тенором, а я, не особо владея вокальными данными, пел тихо, но с душой. Миша, не участвуя в общем хоре, сидел у окна, задумчиво глядя на улицу, где в свете газовых фонарей плясал мокрый снег.

Закончив песню, мы посидели молча, наслаждаясь теплом и уютom. Потом Николай сказал:

— Знаете, товарищи, я раньше думал, что революция — это только оружие и баррикады. А теперь понимаю, что главное — это люди. Обыкновенные люди, такие как мы.

— Согласна, — кивнула Ольга. — Мы — соль земли. Мы — сила.

— И мы победим, — добавил Василий, поднимая кружку с чаем. — Обязательно победим.

Прошел месяц с того памятного собрания, где я впервые встретился с Лениным. За это время Петроград стал для меня родным. Я ежедневно участвовал в работе большевистской ячейки, помогая распространять листовки, выступая на митингах и организуя снабжение продовольствием для беднейших районов города. Люди приняли меня как своего, не задавая лишних вопросов о моем происхождении. Постепенно я освоился в новой жизни, нашел свое место среди этих мужественных и преданных делу людей.

После особенно утомительного дня, мы с Михаилом шли по узким улочкам Петрограда, освещенным редкими фонарями. Город казался особенно тихим и задумчивым в этот поздний час. Миша шел рядом, погруженный в свои мысли, а я любовался красотой вечернего города, чувствуя, как он постепенно становится частью моей души.

— Знаешь, — нарушил молчание Миша, — я родился в этом городе. Здесь всё для меня родное, даже камни. Но сейчас... сейчас всё меняется так быстро, что порой не узнаёшь знакомых улиц.

Я кивнул, не отрывая взгляда от мокрых булыжников под ногами. Ветер играл с листьями, кружившимися в танце, словно прощаясь с летом навсегда.

— А ты веришь, что всё это правильно? — спросил я, чувствуя, как внутри меня боролись сомнение и надежда.

Миша остановился и посмотрел на меня с легкой улыбкой.

— Правильного и неправильного не бывает, Александр. Есть только необходимость. Революция — это не праздник, это тяжёлый труд. Но разве можно отказаться от шанса изменить мир?

Эти слова врезались мне в память. Я шел дальше, слушая, как капли дождя барабанят по крышам, и думал о том, что значит быть частью истории. О том, что каждый день здесь — это маленький шаг к будущему, которое я хорошо знал, но которое теперь могло измениться.

Мы дошли до его дома — небольшого деревянного домика на окраине, где окна светились тёплым светом керосиновых ламп. Внутри было тесно, но уютно: деревянная мебель, вышитые полотенца на стенах, иконы в углу. Мать Миши, полная женщина с добрым лицом, встретила нас ласково, поставила на стол самовар и нарезала домашний хлеб.

Пока мы пили чай, Миша рассказывал о своей семье, о детстве, о том, как он пришёл к большевикам. Его мать слушала молча, лишь изредка качая головой. В её глазах читалась усталость и тревога, но и надежда на лучшее будущее.

— Мама, — сказал Миша, нежно взяв её за руку, — не бойся. Мы строим новый мир, где всем хватит места.

Она улыбнулась, но в улыбке этой было что-то горькое.

— Сынок, — ответила она тихо, — я верю в тебя. Но помни: счастье не строится на несчастьях других.

Мама Миши была женщиной необыкновенной мудрости и душевной теплоты. Несмотря на нелегкую жизнь, она всегда находила слова утешения и поддержки для сына и его друзей. Часто вечерами, когда Миша и его товарищи собирались у неё дома, она угощала нас домашними пирогами и рассказывала истории из своей молодости.

Однажды, когда мы сидели за столом, и обсуждали последние новости, мама Миши обратилась ко мне:

— Александр, дорогой, вижу я, что душа твоя неспокойна. Много думаешь, много переживаешь. А знаешь, что я тебе скажу? Жизнь — она как река. Бывает быстрая, бывает тихая. Но всегда течёт вперёд. И никуда от этого не денешься.

Я поднял взгляд и встретил её добрый, понимающий взгляд.

— Спасибо, — тихо ответил я.

Она улыбнулась и добавила:

— А ещё, сынок, помни: не всё то золото, что блестит. Истинная ценность — в простоте и доброте людской.

Такие простые, но глубокие слова помогли мне справиться с сомнениями и тревогами. В её присутствии я чувствовал себя защищённым, словно возвращался в детство, когда мама успокаивала меня перед сном.

— Александр, хочешь, расскажу тебе историю? — спросила она.

— Конечно, — ответил я, усаживаясь на деревянном стуле.

— Давным-давно, — начала она, — жила-была девочка. Росла она в простой семье, но мечтала о большом. Хотела она стать учительницей, учить детей грамоте. Но жизнь сложилась иначе. Отец погиб на заводе, мать заболела. Девочке пришлось бросить школу и пойти работать на фабрику. Тяжело ей было, но она не сдавалась. Каждый вечер, придя домой, она брала книгу и читала. Читала про дальние страны, про великих людей, про любовь и дружбу. И верила, что когда-нибудь её мечта осуществится.

— И что же было дальше? — спросил я, зачарованно слушая её рассказ.

— А дальше, — улыбнулась она, — она вышла замуж за хорошего человека, родила сына. И хоть сама учительницей не стала, но сыну дала хорошее образование. И видела, как он вырос достойным человеком. Вот так и сбылась её мечта, только не так, как она думала вначале.

Я задумался над её словами. Действительно, жизнь часто складывается не так, как мы планируем. Но главное — не сдаваться и верить в лучшее.

С каждым днем я всё больше привязывался к этой женщине. Её мудрость, простота и душевная щедрость помогли мне находить силы в самые трудные минуты. Когда я сталкивался с несправедливостью или жестокостью, её советы служили мне опорой.

Так проходили дни и недели. Я всё больше погружался в новую жизнь, находя в ней смысл и радость. И хотя порой меня охватывала тоска по прошлой жизни, по близким людям, оставленным там, в будущем, я знал, что здесь, в этом времени, рядом со мной всегда будет мудрая, добрая женщина.

Мне подобрали жильё — комнату в большом доме, хозяева которого сбежали за границу, оставив всё, как было. Комната оказалась просторной, с высокими потолками и старинной мебелью. На стенах висели картины, изображавшие пейзажи, а на подоконнике стояли фарфоровые статуэтки, покрытые тонким слоем пыли. Я оставил всё, как было, лишь прибрал немного, чтобы чувствовать себя комфортнее.

Первое время я просыпался по ночам, хватаясь за грудь, словно сердце хотело выскочить наружу. Я боялся забыть, кто я на самом деле, откуда пришёл. Но постепенно страхи утихли. Я уже начал привыкать к новому распорядку дня: утренние собрания, распространение листовок, помощь в организации митингов. Люди вокруг принимали меня как своего, не задавая лишних вопросов.

Глава 4

Глава четвертая: Карьера

Осень 1917 года стремительно перетекала в зиму. Петроград окутала снежная пелена, укрывшая следы недавних уличных боёв и беспорядков. Город жил напряжённой, лихорадочной жизнью, словно огромный муравейник, в котором каждый житель знал, что отныне всё будет иначе.

Я, Александр Краев, кандидат исторических наук из будущего, оказался в самом эпицентре бурных событий. Наблюдая за процессом формирования новой власти, я не мог избавиться от ощущения, словно смотрю фильм, который многократно пересматривал, но теперь являюсь не зрителем, а непосредственным участником.

Наблюдая за этими событиями, я не мог не сравнивать их с известными мне историческими фактами. В голове постоянно крутилась мысль: «А что, если всё пойдёт иначе? Что, если Ленин проживёт дольше и сумеет направить революцию по более гуманному пути?»

Я очень осторожно делился своими размышлениями с Мишей и его матерью. Они слушали внимательно, но с некоторым недоверием.

— Александр, — говорил Миша, — ты слишком много думаешь. Революция — это не теория, это практика. Нужно действовать, а не размышлять.

Его мать, напротив, смотрела на меня с сочувствием.

— Сынок, — говорила она, — ты слишком много берёшь на себя. Не всё в твоей власти. Живи сегодняшним днём, а остальное — как Бог даст.

Миша неожиданно сменил тему.

— Александр, — начал он, внимательно глядя на меня, — я давно хотел спросить: откуда у тебя такие обширные познания? Ты говоришь о вопросах, которые большинству из нас кажутся абстрактными, но ты рассуждаешь так, словно знаешь будущее.

Я почувствовал, как сердце пропустило удар. Вопрос был прямым и неожиданным. Я замешкался, не зная, как ответить.

— Миша, — наконец произнёс я, — я действительно знаю намного больше, чем большинство.

Он задумался, глядя в окно, за которым медленно падал снег.

— Ты необычный человек, Александр. — сказал он наконец. — И я чувствую, что ты можешь принести огромную пользу нашему делу. Я хочу предложить тебе перейти на более ответственный участок работы.

Я удивлённо поднял бровь.

— Какой именно?

— Я имею в виду работу непосредственно в центральном аппарате партии. Ты сможешь оказывать влияние на принятие решений, помогать формировать политику, соответствующую интересам народа.

Я колебался. Переход на такой уровень означал бы резкое увеличение ответственности и риска. Но в то же время это была уникальная возможность попытаться изменить будущее, предотвратить ошибки, которые я знал из истории.

— Я согласен, — ответил я, протянув руку. — Но при одном условии: ты будешь всегда рядом.

Миша крепко пожал мою руку.

— Можешь рассчитывать на меня, Александр.

Переход на работу в центральный аппарат партии произошёл стремительно. Миша представил меня нескольким влиятельным членам партии, и мои знания и умения произвели на них впечатление. Работа была напряжённой и требовательной. Ежедневно приходилось обра-

батывать огромное количество информации, составлять доклады, участвовать в заседаниях. Но я чувствовал, что нахожусь на правильном месте. Мои знания из будущего позволяли мне предлагать решения, которые казались необычными для современников, но были логичными и обоснованными. Вскоре я стал помощником одного из наркомов, отвечавшего за внутреннюю политику.

В первом составе были только большевики.

Председатель — Владимир Ильич Ленин.

Нарком по внутренним делам — Алексей Иванович Рыков.

Нарком земледелия — Владимир Павлович Милютин.

Нарком труда — Александр Гаврилович Шляпников.

Нарком по военным и морским делам — комитет в составе: Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, Николай Васильевич Крыленко, Павел Ефимович Дыбенко.

Нарком по делам торговли и промышленности — Виктор Павлович Ногин.

Нарком просвещения — Анатолий Васильевич Луначарский.

Нарком финансов — Иван Иванович Скворцов-Степанов.

Нарком по иностранным делам — Лев Давидович Троцкий.

Нарком юстиции — Георгий Ипполитович Оппоков (Ломов).

Нарком по делам продовольствия — Иван Адольфович Теодорович.

Нарком почт и телеграфов — Николай Павлович Авилов (Глебов).

Нарком по делам национальностей — Иосиф Виссарионович Сталин.

У моего начальника были правильные, но не броские черты лица, высокий лоб и внимательный, сосредоточенный взгляд. Его облик не был героическим или демоническим; скорее, он производил впечатление вдумчивого, рассудительного человека, привыкшего к кабинетной работе и политическим дискуссиям. В отличие, от многих лидеров, революции, Рыков не имел выправки боевого офицера — его сила была в интеллекте и организаторских способностях.

После назначения на пост народного комиссара по внутренним делам Алексей Иванович занимался организацией и выстраиванием принципиально новой системы управления внутренними делами страны. Его деятельность была направлена на слом старого государственного аппарата и создание органов советской власти.

Рыкову пришлось с нуля создавать наркомат. Он формировал коллегии, назначал руководителей отделов, определял структуру и функции нового органа власти, который должен был заменить бывшее Министерство внутренних дел. Одной из ключевых задач стало создание народной милиции — вооружённого органа, подчинённого Советам, который должен был обеспечивать революционный порядок и бороться с контрреволюцией на местах. Наркомат внутренних дел в тот период отвечал не только за правопорядок, но и за широкий круг административных вопросов: управление местным самоуправлением, коммунальным хозяйством, а также взаимодействие с другими ведомствами.

Вскоре после моего прихода в наркомат внутренних дел, Алексей Рыков покинул пост наркома в начале декабря 1917 года. Его уход был связан с политическим конфликтом внутри большевистского руководства по поводу соглашения с другими социалистическими партиями и формирования коалиционного правительства.

Григорий Иванович Петровский занял пост народного комиссара по внутренним делам РСФСР. Он был назначен на эту должность в разгар формирования нового советского аппарата власти. В отличие от Рыкова, который выступал за коалицию с другими социалистическими партиями, Петровский был последовательным сторонником Ленина и его курса на установление диктатуры пролетариата в лице Советов.

Параллельно с карьерным ростом я наблюдал, как изменяется и положение Михаила. Его активность и преданность делу не остались незамеченными. Вскоре он был назначен замести-

телем наркома по вопросам продовольствия, что дало ему широкие полномочия и доступ к ресурсам.

Наше сотрудничество стало ещё более тесным. Мы регулярно встречались, обсуждая стратегии и планы. Миша часто советовался со мной, ценя мою способность видеть ситуацию с разных точек зрения.

Глава 5

Глава пятая: Новая ступень

Коридоры Смольного института, ставшего штабом новой власти, были наполнены гулом голосов, скрипом дверей и торопливыми шагами многочисленных работников. Я шёл по мраморному полу, чувствуя, как сердце бьётся быстрее с каждым шагом. Сегодня мне предстояла встреча с новым наркомом — Григорием Ивановичем Петровским.

Я остановился перед массивной дубовой дверью кабинета, украшенной бронзовыми накладками. Сделав глубокий вдох, постучал и услышал лаконичный мужской голос:

— Входите!

Открыв дверь, я оказался в знакомом мне кабинете, освещённом несколькими керосиновыми лампами. За большим письменным столом сидел человек среднего роста, с аккуратной бородкой и внимательными серыми глазами. На нём был строгий костюм, а на столе лежали аккуратно разложенные бумаги и красная папка с надписью, «Секретно».

— Товарищ Петровский? — спросил я, входя в кабинет и закрывая за собой дверь.

— Да, это я, — ответил он, отложив ручку и внимательно глядя на меня. — Вы, наверное, Александр Краев?

— Совершенно верно, товарищ нарком. — ответил я, подходя ближе и протягивая руку. — Приятно познакомиться.

Мы пожали друг другу руки. Рука Петровского была крепкой, уверенной, с мозолями от многолетней трудовой деятельности.

— Садитесь, — предложил он, указывая на стул напротив стола. — Вы успели неплохо зарекомендовать себя в аппарате.

— Стараюсь быть полезным, товарищ нарком, — ответил я скромно.

Петровский откинулся в кресле и внимательно посмотрел на меня.

— Знаете, Александр, я сменил на этом посту Алексея Ивановича Рыкова, с которым вы работали. Он отзывался о вас положительно. Но я предпочитаю составить собственное мнение.

Я кивнул, понимая, что это стандартная процедура проверки лояльности и компетентности.

— Готов доказать свою преданность делу революции, товарищ нарком.

Петровский улыбнулся, но в его улыбке чувствовалась некоторая настороженность.

— Хорошо сказано. Но дело революции требует не только красивых слов, но и конкретных действий. Я слышал, вы обладаете особыми знаниями и аналитическими способностями. Это правда?

Я почувствовал, как внутри меня поднимается волна напряжения. Вопрос был прямым и откровенным.

— Да, товарищ нарком, — ответил я осторожно. — Я стараюсь смотреть на ситуацию комплексно, учитывать все нюансы и предлагать решения.

Петровский кивнул, явно удовлетворённый моим ответом.

— Это ценно. В наше время особенно важно уметь видеть картину целиком. У меня есть для вас задание. Подготовьте аналитическую справку о текущем состоянии дел в правоохранительных органах, и предложите меры по их совершенствованию. Срок — неделя.

— Будет выполнено, товарищ нарком, — ответил я, вставая.

— Ещё один момент, — добавил Петровский, когда я уже собирался уходить. — Я знаю, что вы родом из Москвы. Как вам Петроград?

Я улыбнулся, понимая, что это не просто светская беседа.

— Петроград — удивительный город, товарищ нарком. Здесь чувствуется дыхание истории и революции.

Петровский кивнул, словно подтверждая мои слова.

— Да, здесь действительно всё дышит историей. И мы должны сделать всё, чтобы эта история пошла правильным путем.

Я вышел из кабинета, чувствуя, что первая встреча прошла удачно. Петровский произвёл на меня впечатление человека умного, осторожного и целеустремлённого.

Зная тот факт, что после Февральской революции Временное правительство попыталось заменить старую полицию народной милицией, однако из-за хаоса и постоянных смен власти создать эффективную систему не получилось. Фактически управление милицией было децентрализовано и передано местным Советам, что привело к снижению эффективности борьбы с преступностью.

Октябрьская революция изменила ситуацию: 26 октября (8 ноября) 1917 года был создан Народный комиссариат внутренних дел РСФСР, а 10 ноября (28 октября) вышло постановление о создании Рабоче-Крестьянской милиции. Изначально милиция задумывалась как добровольное формирование. Такие отряды часто не имели необходимого уровня подготовки и дисциплины, что отрицательно сказывалось на их способности выполнять профессиональные задачи. Кроме того, отсутствие материального вознаграждения на ранних этапах снижало мотивацию и качество работы. Изначально милиция не имела четких правовых рамок и регламентов, что приводило к произвольным действиям сотрудников и несоблюдению прав граждан. Система правосудия и судопроизводства также была несовершенной, что ухудшало ситуацию. Наблюдая за процессом формирования милиции, я задумался о том, как мои знания из будущего могут повлиять на ход истории. Могу ли я изменить траекторию развития страны, предотвратив будущие трагедии? Или мои действия лишь усугубят ситуацию?

Будущее непредсказуемо, и я понимал, что бездействие равнозначно согласию с существующим порядком. Поэтому я решил действовать.

Конец декабря 1917 года в Петрограде выдался особенно суровым. Город, некогда величественный и прекрасный, ныне казался мрачным и угрюмым. Снег покрывал улицы толстым слоем, а ледяные ветра гуляли по проспектам, проникая сквозь щели окон и дверей.

Стоя перед массивной дверью на Гороховой улице, я чувствовал, как сердце пропускает удары. Здесь, в этом здании, размещалась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), возглавляемая Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Я пришёл сюда по поручению наркома внутренних дел, чтобы собрать информацию для аналитической справки о состоянии дел в правоохранительных органах.

Войдя внутрь, я оказался в тесном, прокуренном помещении, где царил хаос. Люди в кожаных куртках и фуражках с красными звездами сновали туда-сюда, кричали, спорили, что-то записывали. На столах валялись горы бумаг, оружия, конфискованных предметов. Воздух был пропитан табачным дымом и напряжением.

— Товарищ Краев? — ко мне подошёл молодой человек в очках, представившийся Яковом Петерсом, заместителем Дзержинского. — Феликс Эдмундович примет вас через полчаса. Пока можете осмотреться.

Я прошёл по коридорам, наблюдая за работой сотрудников. Картина, представшая передо мной, вызвала смешанные чувства. С одной стороны, чувствовалась энергия и решимость людей, искренне веривших в свою миссию. С другой — бросалась в глаза стихийность, отсутствие чёткой структуры, профессиональная неподготовленность большинства сотрудников.

Через полчаса меня пригласили в кабинет председателя. Маленькая комната с единственным окном, завешенным плотной тканью, освещалась керосиновой лампой. За столом сидел высокий, худощавый человек с жёстким профилем и пронзительным взглядом — Феликс Дзержинский.

— Товарищ Краев, — начал он, не здороваясь, — Что вы думаете о нашей работе?

Я собрал волю в кулак и ответил честно:

— Товарищ Дзержинский, вы делаете важное дело. Но, боюсь, методы порой слишком резки. Многие сотрудники не обладают достаточными знаниями и опытом. Это приводит к ошибкам и злоупотреблениям.

Дзержинский нахмурился, но не прервал меня.

— А что вы предлагаете? Мягкость? Милосердие? — в его голосе прозвучала ирония.

— Нет, — ответил я твёрдо. — Я предлагаю профессионализм. Чёткие процедуры, обучение кадров, контроль за соблюдением элементарных прав граждан.

Он задумался, постукивая карандашом по столу.

— Интересная мысль, — наконец произнёс он. — Возможно, вы правы. Но как это реализовать на практике?

Мы поговорили ещё около часа. Я изложил свои предложения, основанные на знаниях из будущего. Дзержинский слушал внимательно, иногда кивая, иногда морщась.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Подготовьте подробную записку. Я рассмотрю ваши предложения.

Я понимал, что Дзержинский недоговаривает, как подпольщик в совершенстве владеющий методами конспирации. Как хороший организатор. Видно было, что он ко мне присматривается. На самом деле я хорошо знал об этапах создания ВЧК.

Состав первой ВЧК — это классический пример «революционной элиты» того времени. Подавляющее большинство руководителей были профессиональными революционерами, а не выходцами из простого народа, как часто представляла советская пропаганда. Их объединяло не происхождение, а многолетний опыт подпольной борьбы, тюрем и ссылок.

Использование опыта царской охранки и спецслужб в деятельности ВЧК — это один из самых парадоксальных и малоизвестных фактов становления советской власти. Большевики, пришедшие к власти под лозунгами разрушения «старого мира», на практике были вынуждены активно заимствовать методы, структуру и даже кадры своих злейших врагов — Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов.

Это происходило не от хорошей жизни, а из-за полного отсутствия собственного опыта в управлении тайной полицией.

Особенно Дзержинский, внимательно изучал опыт борьбы царской власти с революционерами. Он понимал, что для удержания власти нужны не только митинги, но и эффективные методы подавления.

Агентурная работа: Основой работы ВЧК стала сеть осведомителей. Методы вербовки, внедрения агентов в организации, техника наружного наблюдения были полностью скопированы с инструкций жандармерии.

Внутренняя агентура: ВЧК активно вербовала провокаторов внутри оппозиционных партий, точно так же, как это делала царская охранка с самими большевиками до революции.

Перлюстрация: Вскрытие частной корреспонденции было одним из главных инструментов контроля. ВЧК восстановила эту практику в масштабах, превосходящих царскую цензуру.

Досье и картотеки: Создание обширных архивов и картотек на неблагонадежных граждан, сбор компромата, психологические портреты лидеров оппозиции — всё это было прямым продолжением работы царских спецслужб.

В первые годы существования ВЧК большевики остро нуждались в профессионалах. Людей, знающих, как вести следствие, как организовать охрану границ, как проводить обыски и допросы, среди рабочих и солдат просто не было. ВЧК привлекала на службу бывших офицеров Отдельного корпуса жандармов и сотрудников Департамента полиции. Их брали на технические и аналитические должности. Большевики захватили архивы охранных отделений. Эти документы содержали бесценную информацию о методах конспирации, явках и связях врагов

новой власти, включая данные о самих большевиках. Дзержинский лично курировал работу с этими архивами.

На следующий день я посетил Мартына Лациса, заместителя председателя ВЧК, известного своей категоричностью и приверженностью классовым принципам.

— Товарищ Краев, — встретил он меня сухо, — я слышал, вы предлагаете смягчить нашу работу. Объясните, почему?

Я сел напротив него, стараясь держать себя в руках.

— Товарищ Лацис, я не предлагаю смягчения. Я предлагаю точность. Когда мы сажаем невиновных, мы теряем доверие народа. Когда мы игнорируем доказательства, мы подрываем собственную легитимность.

Лацис задумался, теребя бородку.

— Вы правы, — неожиданно признал он. — Но как отличить виновного от невиновного, если у нас нет времени на долгие расследования?

Я предложил создать систему предварительной фильтрации дел, с обязательным участием юристов и следователей с юридическим образованием.

— Это потребует времени и ресурсов, и как вы видите у нас сейчас нет специалистов, а брать бывших ищек не позволяет революционная совесть — заметил Лацис.

— Но среди бывших, как Вы говорите, ищек есть истинные патриоты России. И их привлечение к сотрудничеству повысит эффективность и снизит число ошибок, — парировал я.

Беседы с руководством ВЧК дали мне надежду, что моя записка может принести пользу и, что-то изменить.

Настала очередь посмотреть, как организовано правосудие, и я отправился в один из народных судов, созданных декретом СНК. Судьи, избранные местными Советами, зачастую не имели никакого юридического образования. Заседания проходили в полупустой комнате, освещённой единственной керосиновой лампой. Народные заседатели, простые рабочие и крестьяне, слушали дела, опираясь на «революционное правосознание», а не на законы.

Одно из дел особенно потрясло меня. Мужчину обвиняли в хищении хлеба. Доказательства были слабыми, но судья, опираясь на показания одного свидетеля, вынес обвинительный приговор.

— Товарищ судья, — не выдержал я, — разве можно осуждать человека на показаниях, одного свидетеля?

Судья посмотрел на меня с раздражением.

— Товарищ Краев, мы здесь не для того, чтобы соблюдать формальности. Мы защищаем революцию!

Я покинул зал суда с тяжёлым сердцем, понимая, насколько глубоки проблемы в системе правосудия.

Вскоре мне представилась возможность поучаствовать в рейде на один из притонов, где собирались преступники. Это была операция, спланированная совместно с уголовным розыском. Руководил ею легендарный Владимир Кишкин, бывший моряк Балтийского флота, известный своей личной храбростью.

Мы выдвинулись ранним утром, когда город ещё спал. В группе было около десяти человек, включая меня. Кишкин предупредил, что придётся действовать быстро и решительно.

— Товарищи, — сказал он, — объект — дом номер шесть по Троицкому переулку. Там собираются бандиты, торгующие краденым товаром и самогоном. Наша задача — захватить их врасплох и не дать скрыться.

Мы подошли к дому незаметно, воспользовавшись тем, что улица была пустынная. Кишкин дал сигнал, и мы ворвались внутрь. В подвале действительно оказался притон: несколько

человек играли в карты, рядом стояли бутылки с самогоном, на стенах висели трофеи — одежда, украшения, предметы быта.

— Всем встать! — крикнул Кишкин, направляя револьвер на ближайшего бандита. — Вы арестованы!

Некоторые попытались оказать сопротивление, но были быстро нейтрализованы. Двое пытались бежать через запасной выход, но были перехвачены нашими людьми снаружи.

В ходе обыска мы обнаружили не только краденные вещи, но и оружие, фальшивые документы, самодельные бомбы.

В целом работа народной милиции кардинально отличалась от деятельности ВЧК. Народная милиция создавалась как символ «нового мира». Это был орган, который должен был прийти на смену «царской полиции» — символу угнетения, произвола и защиты интересов буржуазии. Брать бывшего полицейского на службу в милицию — это всё равно что назначать бывшего надзирателя тюрьмы директором школы для трудных подростков. Идеологически это было недопустимо. Милиция должна была пользоваться доверием «трудящихся масс». Как мог рабочий доверять милиционеру, который еще вчера разгонял забастовки на его заводе?

На начальном этапе от милиции требовалось не столько раскрывать сложные преступления, сколько. Следить за соблюдением революционного порядка. Пресекать пьяные дебоши и грабежи. Охранять склады и продовольствие. Это была работа для «человека с ружьем», а не для тонкого психолога-сыщика. Считалось, что сознательный рабочий или солдат справится с этим лучше, чем профессионал старой закалки.

Я сидел за столом в своём кабинете, уставившись в чистый лист бумаги. Передо мной лежала задача, от которой зависело многое — аналитическая записка о состоянии правоохранительных органов Петрограда. Задача казалась одновременно простой и невыполнимой. Простой — потому что я знал, как должна выглядеть хорошая аналитическая записка: чёткая структура, логика, последовательность. Невыполнимой — потому что я находился в 1917 году.

«Аналитическая записка

О состоянии правоохранительных органов Петрограда и мерах по их усовершенствованию

Составитель: Александр Краев

Адресат: Нарком внутренних дел РСФСР Г.И. Петровский

Дата: декабрь 1917 года

Введение

Настоящая записка посвящена состоянию правоохранительных органов Петрограда и проблемам, с которыми они сталкиваются в условиях революционного времени. За последние месяцы я имел возможность лично ознакомиться с работой милиции и чрезвычайных комиссий, участвовать в рейдах и расследованиях, а также встречаться с руководителями и рядовыми сотрудниками. Основываясь на анализе текущей ситуации, предлагаю конкретные меры по улучшению функционирования правоохранительных органов.

Текущее состояние правоохранительных органов

В условиях революционного хаоса и Гражданской войны Петроград нуждается в надежных и эффективных правоохранительных структурах. Однако на сегодняшний день наблюдается ряд серьезных проблем:

Отсутствие четкой структуры и координации. Местные отделения милиции действуют разрозненно, отсутствует единая система управления и отчетности.

Низкий уровень профессионализма. Большинство сотрудников милиции не имеют соответствующего образования и опыта работы в правоохранительных органах. Это приводит к ошибкам в расследовании преступлений и неправильной квалификации деяний.

Игнорирование юридических норм. Многие сотрудники действуют по принципу «революционной целесообразности», что ведет к произволу и нарушению прав граждан.

Материально-технические проблемы. Недостаток вооружения, транспорта и канцелярских принадлежностей осложняет работу милиции и снижает её эффективность.

Психологическое давление и профессиональный стресс.

Примеры из личного опыта:

Недавно я участвовал в операции по ликвидации притона, где грабители продавали краденые товары. Несмотря на успешный исход, стало очевидно, что отсутствие четких инструкций и координации привело к риску для жизни сотрудников.

В одном из случаев кражи золотых украшений следствие велось поверхностно, что позволило преступнику скрыться. Причина — недостаток профессиональных навыков у следователя.

Выводы

Анализ текущей ситуации позволяет сделать следующие выводы:

Существующее положение дел угрожает не только эффективности работы милиции, но и авторитету новой власти.

Нарушение прав граждан подрывает доверие населения к правоохранительным органам.

Без срочных мер по реформированию милиции ситуация будет только усугубляться.

Предложения по улучшению ситуации

Основываясь на изучении лучших практик, предлагаю следующие меры:

1. Создание системы профессионального отбора и обучения сотрудников

Необходимо организовать учебные курсы для сотрудников милиции, где они смогут получить базовые юридические знания и навыки оперативной работы. Рекомендуется привлечь преподавателей из университетов и опытных юристов.

2. Разработка четких регламентов и процедур работы

Следует разработать подробные инструкции по проведению операций, расследованию преступлений и взаимодействию с гражданами. Это позволит снизить количество ошибок и злоупотреблений.

3. Обязательное участие адвокатов в судебных процессах

Народные суды должны обеспечивать участие адвокатов в рассмотрении дел, что гарантирует соблюдение законных прав подсудимых и повышает доверие населения к судебной системе.

4. Регулярный надзор за деятельностью сотрудников милиции

Рекомендуется создать инспекционные комиссии, которые будут следить за соблюдением законов и этических норм сотрудниками милиции.

5. Повышение квалификации судей и народных заседателей

Судьи и народные заседатели должны проходить обязательные курсы, чтобы обеспечить высокое качество судебного разбирательства.

6. Привлечение бывших специалистов к работе

Необходимо рассмотреть возможность привлечения бывших специалистов из старой полиции, имеющих хорошую репутацию и профессиональные навыки, к работе в новой милиции. Это позволит быстро повысить квалификацию сотрудников и наладить эффективную работу правоохранительных органов.

Заключение

Реализация предложенных мер позволит значительно повысить эффективность работы правоохранительных органов Петрограда, восстановить доверие населения и укрепить авторитет новой власти. Я готов предоставить более детальные планы по каждому направлению и лично участвовать в их реализации.

Александр Краев»

Глава 6

Глава шестая: Спор о справедливости

Кабинет Григория Ивановича Петровского располагался на верхнем этаже здания бывшего Министерства внутренних дел, в которое наш наркомат переехал недавно. Огромное помещение с высокими потолками и массивными дубовыми дверьми производило впечатление величия и власти. Петровский сидел за столом, внимательно изучая мою аналитическую записку. Его лицо было серьезным, а глаза внимательно следили за каждой строчкой.

— Товарищ Краев, — начал он, не поднимая головы, — я внимательно ознакомился с вашей запиской. Некоторые предложения выглядят разумными, но есть одно, которое вызывает у меня серьезное беспокойство.

Я замер, ожидая продолжения.

— Вы предлагаете привлечь бывших специалистов царской полиции к работе в новой милиции, — продолжил он, поднимая взгляд. — Объясните, почему вы считаете это необходимым?

Я глубоко вздохнул, понимая, что вступаю на опасную территорию.

— Товарищ нарком, — начал я осторожно, — мы находимся в условиях революционного хаоса. Наша милиция страдает от нехватки профессионализма и опыта. Бывшие полицейские обладают необходимыми навыками и знаниями, которые помогут нам навести порядок.

Петровский нахмурился, его лицо потемнело.

— Вы предлагаете сотрудничать с теми, кто служил царскому режиму? — спросил он резко. — С теми, кто подавлял революционные выступления и преследовал рабочих?

— Товарищ нарком, — ответил я твердо, — мы говорим не о сотрудничестве с врагами революции, а о привлечении профессионалов, которые могут принести пользу новому обществу.

— А как вы собираетесь отличить предателя от честного работника? — спросил он язвительно.

— Через тщательную проверку и отбор, — ответил я. — Мы можем создать комиссии, которые будут оценивать кандидатов по профессиональным и моральным качествам. У Дзержинского это уже работает.

Петровский встал и начал ходить по кабинету, явно взволнованный.

— Вы понимаете, что предлагаете? — спросил он, останавливаясь передо мной. — Вы предлагаете открыть двери для потенциальных врагов революции!

— Я понимаю, товарищ нарком, — ответил я спокойно. — Но я также понимаю, что без профессионалов мы не сможем навести порядок в стране.

— А что будет с рабочими и крестьянами, которые составляют костяк нашей милиции? — спросил он резко. — Вы предлагаете заменить их бывшими полицейскими?

— Нет, товарищ нарком, — ответил я твердо. — Я предлагаю дополнить их опытными специалистами, которые помогут улучшить работу милиции.

Петровский отвернулся и подошел к окну, глядя на зимний пейзаж.

— Вы предлагаете опасные игры, товарищ Краев. — сказал он, не поворачиваясь. — Игры, которые могут стоить нам революции.

— Я предлагаю необходимые меры, товарищ нарком, — ответил я твердо. — Меры, которые помогут нам выжить в это сложное время.

Петровский медленно повернулся и посмотрел на меня.

— Я подумаю над вашими предложениями, товарищ Краев. — сказал он наконец. — Но я предупреждаю вас: если вы ошибетесь, последствия будут катастрофическими.

Я кивнул, понимая серьезность его слов.

— Я готов нести ответственность за свои решения, товарищ нарком, — ответил я. Петровский подошел к столу и взял мою записку.

— Хорошо, — сказал он наконец, медленно проводя рукой по подбородку. — Я вынесу вашу аналитическую записку на обсуждение в Совнарком. Это серьезная инициатива, и она заслуживает внимания высшего руководства. Но учтите, товарищ Краев, — добавил он, пристально глядя мне в глаза, — если ваши предложения окажутся необоснованными или преждевременными, это может повредить не только вашему авторитету, но и общему делу.

Я кивнул, понимая всю ответственность момента.

— Я готов нести ответственность за свои решения, товарищ нарком, — ответил я твердо, глядя ему прямо в глаза.

Петровский еще раз внимательно посмотрел на меня, словно пытаюсь разглядеть за моими словами истинные мотивы и намерения. Затем он вернулся к своим документам, давая понять, что аудиенция окончена.

— Идите, товарищ Краев. — произнес он, не поднимая головы. — У вас много работы впереди.

Глава 7

Глава седьмая: Судьбы в перекрестье мнений

Заседание Совнаркома проходило 30 декабря 1917 года, в просторном зале Смольного института. Высокие потолки, массивные дубовые панели и тяжелые шторы придавали помещению торжественность и официальность. За длинным столом сидели члены правительства, каждый из которых был яркой личностью и влиятельной фигурой в молодой советской республике.

Владимир Ильич Ленин, председатель Совнаркома, открыл заседание:

— Товарищи, сегодня мы обсудим важный вопрос — состояние правоохранительных органов Петрограда. Товарищ Краев подготовил аналитическую записку, которую мы должны внимательно изучить и принять решение.

Григорий Иванович Петровский, нарком внутренних дел, передал записку Ленину:

— Товарищ Ленин, я уже ознакомился с предложением товарища Краева. Оно вызывает определенные сомнения, особенно пункт о привлечении бывших полицейских.

Ленин внимательно просмотрел записку, затем поднял взгляд:

— Товарищ Краев, пожалуйста, изложите основные положения вашей записки.

Я встал и начал говорить четко и уверенно:

— Товарищи, наша милиция страдает от нехватки профессионализма и опыта. Мы находимся в условиях революционного хаоса, и нам необходимы специалисты, которые помогут навести порядок. Я предлагаю привлечь бывших полицейских, прошедших тщательную проверку и отбор.

В зале повисло напряженное молчание. Первым отреагировал Лев Давидович Троцкий, нарком по военным и морским делам:

— Товарищ Краев, вы предлагаете сотрудничать с теми, кто служил царскому режиму? Это недопустимо! Мы не можем доверять людям, которые подавляли революционные выступления!

Я ответил спокойно, но твердо:

— Товарищ Троцкий, я говорю не о сотрудничестве с врагами революции, а о привлечении профессионалов, которые могут принести пользу новому обществу. Вы же сами говорили о «птенцах Керенского» уголовниках, выпущенных им из тюрем и каторги. Посмотрите, что они творят. Убивают, грабят дискредитируют Советскую власть. Они жгут архивы полиции, картотеки. Новая милиция даже не знает их в лицо. А старые кадры могут помочь нам.

Феликс Эдмундович Дзержинский, председатель ВЧК, поддержал меня:

— Товарищ Краев прав. Нам нужны профессионалы, которые помогут нам бороться с преступностью и контрреволюцией. Без них мы не справимся. Нынешние сотрудники не имеют опыта борьбы с преступностью, нам для создания новой системы нужно взять все самое лучшее из старой практики и развивать новую.

Однако Иосиф Виссарионович Сталин, нарком по делам национальностей, выразил сомнения:

— Товарищ Дзержинский, вы предлагаете опасные игры. Мы не можем быть уверены в лояльности бывших полицейских. Они могут подорвать нашу работу изнутри.

Феликс Эдмундович ответил уверенно:

— Товарищ Сталин, мы можем создать комиссии, которые будут оценивать кандидатов по профессиональным и моральным качествам. Это позволит нам отобрать только тех, кто действительно полезен для революции. В нашей комиссии мы уже начали проводить такую работу. И готовы помочь в проверке кандидатов.

Иван Иванович Скворцов-Степанов, нарком финансов, поддержал мое предложение:

— Товарищ Краев прав. Нам нужны профессионалы, которые помогут нам справиться с экономическими трудностями и преступностью.

Антонио Луначарский, нарком просвещения, высказал свое мнение:

— Товарищ Краев, ваше предложение вызывает у меня серьезные сомнения. Мы должны быть осторожны, чтобы не допустить проникновения врагов революции в наши ряды.

За меня ответил Дзержинский:

— Товарищ Луначарский, я понимаю ваши опасения. Но без профессионалов мы не сможем навести порядок в стране. Мы должны использовать все имеющиеся ресурсы для достижения наших целей.

Затем обсуждение переместилось на другие пункты аналитической записки. Я предложил создать систему профессионального отбора и обучения сотрудников милиции, что вызвало одобрение большинства членов Совнаркома.

Лев Троцкий выразил поддержку:

— Товарищ Краев, это разумное предложение. Нам действительно нужны обученные кадры, которые смогут эффективно бороться с преступностью.

Феликс Дзержинский добавил:

— Я согласен с товарищем Троцким. Без профессиональной подготовки наши сотрудники не смогут справиться с современными вызовами.

Иосиф Сталин выразил осторожность:

— Товарищ Краев, мы должны быть уверены, что обучение не превратится в площадку для пропаганды антикоммунистических идей.

Я ответил уверенно:

— Товарищ Сталин, учебный процесс будет строго контролироваться. Преподавателями станут проверенные специалисты, преданные делу революции.

Иван Иванович Скворцов-Степанов поддержал мое предложение:

— Товарищ Краев прав. Качественное обучение поможет нам повысить эффективность работы милиции.

Антон Луначарский также выразил согласие:

— Я поддерживаю идею обучения, но предлагаю включить в программу также уроки по истории революции и основам марксизма.

Я согласился с дополнением Луначарского:

— Товарищ Луначарский, это отличное дополнение. Оно поможет нашим сотрудникам лучше понимать идеологические основы нашей работы.

Затем я предложил разработать четкие регламенты и процедуры работы для сотрудников милиции. Это предложение вызвало активную дискуссию.

Лев Троцкий выразил поддержку:

— Товарищ Краев, это жизненно необходимо. Без четких инструкций наши сотрудники будут действовать хаотично и допускать ошибки.

Феликс Дзержинский добавил:

— Я согласен. Четкие регламенты помогут нам избежать злоупотреблений и повысить эффективность работы.

Иосиф Сталин выразил осторожность:

— Товарищ Краев, мы должны быть уверены, что регламенты не превратятся в бюрократические препоны, мешающие оперативной работе.

Я ответил уверенно:

— Товарищ Сталин, регламенты будут разработаны с учетом оперативной необходимости. Они помогут нам действовать более эффективно и справедливо.

Алексей Рыков поддержал мое предложение:

— Товарищ Краев прав. Четкие регламенты помогут нам повысить прозрачность и законность нашей работы.

Антон Луначарский также выразил согласие:

— Я поддерживаю идею регламентов, но предлагаю включить в них также положения о защите гражданских прав и свобод.

Я согласился с дополнением Луначарского:

— Товарищ Луначарский, это важное дополнение. Оно поможет нам избежать злоупотреблений и повысить доверие населения к милиции.

Затем я предложил обязательное участие адвокатов в судебных процессах. Это предложение вызвало наибольшие споры.

Лев Троцкий выразил поддержку:

— Товарищ Краев, это важный шаг к построению справедливого правосудия. Без адвокатской защиты обвиняемые не смогут полноценно защищать свои права.

Феликс Дзержинский выразил осторожность:

— Товарищ Краев, мы должны быть уверены, что адвокаты не станут инструментом в руках контрреволюционеров.

Я ответил уверенно:

— Товарищ Дзержинский, адвокаты будут тщательно проверяться. Они должны быть преданы делу революции и защищать права граждан в рамках закона.

Иосиф Сталин выразил осторожность:

— Товарищ Краев, мы должны быть уверены, что адвокатская защита не превратится в средство оправдания преступников.

Я ответил уверенно:

— Товарищ Сталин, адвокатская защита необходима для обеспечения справедливости. Без нее наше правосудие будет однобоким и несправедливым.

Алексей Рыков поддержал мое предложение:

— Товарищ Краев прав. Адвокатская защита поможет нам повысить доверие населения к судебной системе.

Антон Луначарский также выразил согласие:

— Я полностью поддерживаю идею адвокатской защиты. Это важный шаг к построению справедливого и открытого правосудия.

Затем я предложил создать инспекционные комиссии для регулярного надзора за деятельностью сотрудников милиции. Это предложение вызвало одобрение большинства членов Совнаркома.

Лев Троцкий выразил поддержку:

— Товарищ Краев, это разумное предложение. Надзор поможет нам избежать злоупотреблений и повысить эффективность работы.

Феликс Дзержинский добавил:

— Я согласен с товарищем Троцким. Надзорные комиссии помогут нам поддерживать высокий уровень дисциплины и законности.

Иосиф Сталин выразил осторожность:

— Товарищ Краев, мы должны быть уверены, что надзорные комиссии не превратятся в карательный орган.

Я ответил уверенно:

— Товарищ Сталин, надзорные комиссии будут действовать в рамках закона и с учетом интересов революции.

Алексей Рыков поддержал мое предложение:

— Товарищ Краев прав. Надзор поможет нам поддерживать высокий уровень дисциплины и законности.

Антон Луначарский также выразил согласие:

— Я поддерживаю идею надзора, но предлагаю включить в комиссии также представителей общественности.

Я согласился с дополнением Луначарского:

— Товарищ Луначарский, это важное дополнение. Оно поможет нам повысить прозрачность и доверие к нашей работе.

Наконец, я предложил повысить квалификацию судей и народных заседателей. Это предложение вызвало одобрение большинства членов Совнаркома.

Лев Троцкий выразил поддержку:

— Товарищ Краев, это разумное предложение. Квалифицированные судьи помогут нам обеспечить справедливость и законность.

Феликс Дзержинский добавил:

— Я согласен с товарищем Троцким. Квалифицированные судьи помогут нам избежать ошибок и злоупотреблений.

Иосиф Сталин выразил осторожность:

— Товарищ Краев, мы должны быть уверены, что повышение квалификации не превратится в академические упражнения, оторванные от реальности.

Я ответил уверенно:

— Товарищ Сталин, повышение квалификации будет направлено на практическую работу и решение актуальных задач.

Алексей Рыков поддержал мое предложение:

— Товарищ Краев прав. Квалифицированные судьи помогут нам повысить эффективность работы судебной системы.

Антон Луначарский также выразил согласие:

— Я полностью поддерживаю идею повышения квалификации. Это важный шаг к построению справедливого и эффективного правосудия.

После долгих и напряженных дискуссий Ленин подвел итоги обсуждения:

— Товарищи, большинство из нас поддерживают предложения товарища Краева. Они направлены на улучшение работы правоохранительных органов и повышение доверия населения к власти. Я предлагаю принять эти предложения и приступить к их реализации.

Григорий Петровский, нарком внутренних дел, добавил:

— Товарищ Ленин, я беру на себя обязательство организовать внедрение этих предложений в кратчайшие сроки.

Глава 8

Глава восьмая: В тени красного солнца

После окончания заседания Совнаркома Владимир Ильич Ленин пригласил меня в свой кабинет. Это была небольшая комната на втором этаже Смольного института, расположенная в левом крыле здания. Кабинет Ленина был скромным и функциональным: письменный стол, удобное кресло для работы и несколько стульев для посетителей. Пол был покрыт ковром, который стелили позже, так как «с полу очень дуло». На стенах висели портреты Маркса и Энгельса, а также карта Петрограда с пометками о состоянии городских служб.

Ленин сидел за столом, внимательно просматривая документы. Его лицо было сосредоточенным, а глаза усталыми. Он поднял взгляд и улыбнулся:

— Товарищ Краев, заходите. Я хотел поговорить с вами отдельно.

Я вошел и сел на один из стульев напротив стола.

— Товарищ Ленин, — начал я, — спасибо за возможность обсудить мои предложения.

Ленин откинулся в кресле и посмотрел на меня внимательно:

— Ваши идеи вызывают у меня большой интерес. Особенно предложение о привлечении бывших полицейских. Это смелый шаг, но он может принести большую пользу.

Я кивнул, понимая серьезность момента.

— Товарищ Ленин, я понимаю ваши сомнения. Но без профессионалов мы не сможем навести порядок в стране. Мы должны использовать все имеющиеся ресурсы для достижения наших целей.

Ленин задумался, постукивая карандашом по столу.

— Вы правы, товарищ Краев. Но мы должны быть осторожны. Мы не можем допустить проникновения врагов революции в наши ряды.

Я ответил уверенно:

— Товарищ Ленин, мы можем создать комиссии, которые будут оценивать кандидатов по профессиональным и моральным качествам. Это позволит нам отобрать только тех, кто действительно полезен для революции.

Ленин кивнул, соглашаясь с доводами.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я поддерживаю ваше предложение. Но мы должны действовать осторожно и последовательно.

Затем Ленин откинулся в кресле и внимательно посмотрел на меня:

— Товарищ Краев, вы необычный человек. Ваши знания и аналитические способности производят сильное впечатление. Вы смотрите на вещи шире и глубже, чем большинство из нас. Это вызывает уважение, но и настороженность.

Я почувствовал легкое волнение, понимая, что Ленин пытается понять, кто я на самом деле.

— Товарищ Ленин, — ответил я спокойно, — я просто стараюсь быть полезным.

Ленин улыбнулся, но в его глазах читалась осторожность:

— Я вижу в вас потенциал, товарищ Краев. Вы можете стать ценным сотрудником, но я должен признать, что ваши идеи пугают меня. Они слишком отличаются от общепринятых представлений.

Я кивнул, понимая его опасения:

— Товарищ Ленин, я понимаю ваши сомнения. Но без свежих идей и нестандартных решений мы не сможем победить в этой борьбе. Нам нужны новые подходы, чтобы справиться с вызовами времени.

Ленин задумчиво посмотрел в окно, за которым кружились снежинки:

— Вы правы, товарищ Краев. Революция требует смелости и решительности. Но она также требует осторожности и мудрости. Я буду внимательно следить за вашей работой и надеяться, что ваши идеи принесут пользу нашему делу.

Я почувствовал облегчение, понимая, что завоевал доверие Ленина, хотя и не полностью.

— Спасибо за доверие, товарищ Ленин, — ответил я искренне. — Я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваши ожидания.

Ленин кивнул и вернулся к своим документам, давая понять, что аудиенция окончена.

— Идите, товарищ Краев. — произнес он, не поднимая головы.

Глава 9

Глава девятая. Январский лёд: первое покушение

Кабинет наркома внутренних дел Григория Петровского на Гороховой улице встретил меня пронизывающим холодом, который не мог согреть даже жарко натопленный камин. За высокими, покрытыми морозными узорами окнами лежал Петроград, скованный январским льдом. 1918 год только начинался, но уже пах порохом и тревогой. В воздухе висело напряжение, густое, как табачный дым, которым заволокло комнату.

Здесь собрались все ключевые фигуры новой власти. Григорий Петровский стоял у массивной карты города, нервно постукивая карандашом по столу. Его лицо, обычно спокойное, было напряжено до предела. Рядом, у окна, стоял Феликс Дзержинский — худой, прямой как струна, с пронзительным взглядом, в котором читалась стальная решимость. Яков Петерс что-то быстро записывал в блокнот. В углу, попыхивая трубкой, молча наблюдал за всеми Иосиф Сталин.

— Товарищи, — голос Петровского прозвучал глухо и устало. — Мы собрались по чрезвычайному и прискорбному поводу. Сегодня на жизнь Владимира Ильича Ленина было совершено покушение.

Слова упали в тишину кабинета как камни в воду. Я почувствовал, как сердце пропустило удар. В моей памяти, из будущего, были чётко зафиксированы две даты покушений: август 1918-го — Фанни Каплан, и январь 1918-го. Но тогда я знал об этом как о сухом факте. Сейчас же это была реальность, пахнувшая гарью и страхом.

— Подробности скудны и противоречивы, — продолжил нарком, бросив взгляд на Дзержинского. — Сегодня Владимир Ильич выступал перед добровольцами Красной армии в Михайловском манеже.

Дзержинский сделал шаг вперёд и взял слово. Его голос был тихим, но каждое слово звучало как удар молота:

— После митинга товарищ Ленин ехал в Смольный на автомобиле. С ним в машине находились его сестра, Мария Ильинична Ульянова, и товарищ Фриц Платтен.

При упоминании швейцарского товарища я напрягся. Я знал эту историю. Платтен — тот самый человек, который организовал знаменитый «пломбированный вагон» для возвращения Ленина в Россию.

— На пути следования автомобиля по Симеоновскому мосту и далее по улице машина была обстреляна неизвестными лицами из револьверов.

В кабинете повисла мёртвая тишина.

— Шофёр товарища Ленина проявил исключительную выдержку и хладнокровие. Он резко увеличил скорость, уходя из-под обстрела. В салоне автомобиля пули пробили кузов.

— А товарищи? — глухо спросил Сталин, не вынимая трубки изо рта.

Дзержинский на мгновение замолчал, и это молчание было красноречивее любых слов.

— Товарищ Платтен проявил невероятную храбрость и самообладание. Увидев опасность для Владимира Ильича, он мгновенно среагировал и пригнул голову товарища Ленина вниз, тем самым спасая ему жизнь.

Я закрыл глаза. История повторялась в деталях. Платтен — герой этого дня.

— Сам товарищ Платтен при этом получил ранение руки от осколка стекла или рикошета пули. Мария Ильинична не пострадала. Владимир Ильич отделался лёгким испугом.

Петровский снова взял инициативу:

— Это не случайность. Это не пьяный дебошир и не отчаявшийся обыватель. Это спланированная акция. И это первый звонок.

Я не выдержал и встал со своего места.

— Товарищ нарком... Товарищи! Позвольте?

Все взгляды обратились ко мне. Я чувствовал тяжесть своего знания — знания историка из будущего.

— Это покушение имеет огромное значение именно как первое. До этого момента наши враги действовали методами агитации или саботажа. Сегодня они перешли к террору против конкретных лидеров революции.

Я подошёл к карте и указал пальцем на район Симеоновского моста.

— Смотрите: это не просто выстрел в воздух. Это демонстрация намерений. Они показали, что могут достать нас везде: и в Смольном, и на улице, по пути с официального мероприятия. Они прощупывают нашу оборону.

Дзержинский внимательно посмотрел на меня поверх очков-пенсне.

— Ваши выводы совпадают с нашими наблюдениями, товарищ Краев. Но у меня есть вопрос к вам как к аналитику... Почему здесь? Почему сейчас? Январь, время затишья.

Я на секунду задумался, подбирая слова так, чтобы не выдать себя.

— Товарищ Дзержинский... Я полагаю, это связано с политической обстановкой. Мы находимся в состоянии переговоров о мире с Германией в Брест-Литовске. Наши враги, как внутренние, так и внешние, понимают: устранение Ленина может сорвать эти переговоры или дестабилизировать власть изнутри в критический момент.

Сталин медленно кивнул:

— Логично... Убить Ленина сейчас, значит попытаться обезглавить революцию в момент её наибольшей уязвимости перед лицом внешнего врага.

В разговор вступил молчавший до этого Петерс:

— У нас есть показания свидетелей и самого раненого товарища Платтена. Описание стрелявших: несколько мужчин в штатском или солдатской форме без знаков различия. Они выскочили из подворотни или из-за угла дома на Симеоновской улице.

— Профессиональный подход, — заметил я. — Никаких приметных деталей в одежде или внешности для опознания. Оружие? Револьверы армейского образца?

Дзержинский кивнул:

— Судя по гильзам, «Наган».

Я покачал головой:

— В том-то и дело... «Наган» был у каждого второго солдата или матроса в Петрограде. Это идеальное прикрытия для террориста, быть невидимым в толпе таких же шинелей или штатских пальто.

Петровский ударил кулаком по столу:

— Довольно теорий! Что мы будем делать?

Дзержинский выпрямился во весь рост:

— ВЧК берёт расследование под свой полный контроль. Мы создадим специальную группу для поиска этих людей и их связей. Но... — он сделал паузу, обводя всех тяжёлым взглядом, — я считаю это лишь верхушкой айсберга. Если они решились на первый выстрел, значит, есть организация. И у этой организации есть цели посерьёзнее одного выстрела по машине.

Сталин выпустил клуб дыма:

— Значит ли это... что охрана Смольного недостаточна?

Петровский резко повернулся ко мне:

— Товарищ Краев! Вы готовили аналитическую записку о состоянии правоохранительных органов. Теперь я поручаю вам другое задание: разработать концепцию личной охраны высших должностных лиц партии и правительства.

Я почувствовал холодок по спине. Ответственность росла с каждым днём.

— Хорошо, товарищ нарком.

Дзержинский подошёл ко мне вплотную:

— И ещё одно... Будьте предельно осторожны в своих изысканиях. Если вы правы насчёт организации... они могут заинтересоваться теми, кто слишком много знает или слишком глубоко копает.

Совещание закончилось поздно вечером. Я брёл по заснеженным улицам Петрограда к своему временному жилью на Васильевском острове. Город казался мне теперь не просто декорацией истории, а живым организмом, полным скрытых угроз.

Первое покушение состоялось 14 января по новому стилю (1 января по старому). История сделала шаг в сторону от знакомого мне русла или же неумолимо катилась по предначертанному пути? Я не знал ответа.

Но я знал одно: теперь я не просто наблюдатель или аналитик в наркомате. Я стал частью системы защиты нового мира от его врагов. И от моих действий зависело гораздо больше, чем я мог себе представить ещё месяц назад.

Лёд под ногами скрипел так же зловеще, как выстрелы у Симеоновского моста сегодня утром.

Глава 10

Глава десятая. Стальной щит революции

Морозный воздух Петрограда обжигал лёгкие, но я почти не замечал холода. В кармане шинели лежала папка с аккуратно исписанными листами, плод бессонных ночей и напряжённых размышлений. Это была не просто аналитическая записка, а проект, от которого, как мне казалось, зависела судьба не только Ленина, но и всей революции. Концепция государственной охраны.

Вчерашнее совещание у Петровского не давало покоя. Слова Дзержинского о том, что «они могут заинтересоваться теми, кто слишком много знает», звучали в ушах набатом. Я понимал: если я прав в своих выводах, то я становлюсь мишенью. Но отступить было некуда.

Кабинет Феликса Эдмундовича Дзержинского в здании ВЧК на Гороховой, 2, разительно отличался от кабинета наркома Петровского. Здесь не было места роскоши или даже намёка на буржуазный уют. Голые стены, простой письменный стол, заваленный бумагами до отказа, жёсткий стул для посетителя и неизменный запах крепкого табака. Это был кабинет солдата, кабинет аскета, для которого комфортом была сама работа.

Сам Дзержинский стоял у окна, глядя на заснеженную улицу. Он был одет в свою неизменную кожаную куртку, которая, казалось, стала частью его самого. Услышав стук в дверь, он обернулся. Его взгляд был усталым, но пронзительным.

— Товарищ Краев? Проходите. Я ждал вас.

Я вошёл, плотно прикрыв за собой тяжёлую дверь. Дзержинский вернулся к столу, но не сел, а остался стоять, опершись на него руками. Этот его жест, стоять над подчинённым, всегда немного нервировал, создавая ощущение допроса.

— Вы принесли то, о чём мы говорили? Концепцию охраны?

— Да, товарищ Дзержинский.

Я положил папку на край стола. Он не спешил её брать.

— Прежде чем я это прочту, я хочу услышать ваши мысли. Устно.

Я глубоко вздохнул. Это был мой шанс донести суть.

— Товарищ Дзержинский... покушение, это не просто акт отчаяния одиночки. Это первый ход в сложной партии. Вчера вы сказали про айсберг. Я с вами согласен. У этого покушения есть «организационный тыл».

Дзержинский кивнул, приглашая меня продолжать.

— Посмотрите на факты. Выстрелы произведены не в Смольном, где охрана хоть и хаотична, но есть. Не на пустынной дороге. А после публичного мероприятия. После митинга в Михайловском манеже. Это значит, что за Лениным следили. Изучали его маршруты. Знали график.

Дзержинский нахмурился ещё сильнее.

— Продолжайте.

— Враги революции учатся. Они понимают, что лобовая атака на власть сейчас бессмысленна. Значит, они переходят к тактике индивидуального террора. Их цель, обезглавить партию. Убить Ленина, значит убить революцию в глазах масс и посеять панику в наших рядах.

— Логично, — тихо произнёс Дзержинский. — И что вы предлагаете? Поставить по солдату у каждого окна Смольного? Выставить оцепление вокруг каждого члена Совнаркома? У нас нет таких ресурсов.

— Именно поэтому мои предложения касаются не количества штыков, а качества системы.

Я наконец-то позволил себе сесть на стул, чувствуя, что разговор будет долгим.

— Товарищ Дзержинский... Милиция и отряды Красной гвардии хороши для поддержания общественного порядка и борьбы с бандитизмом на улицах. Но они не умеют работать против подготовленного террориста или шпионской сети. Это не их профиль.

Дзержинский прищурился:

— Вы предлагаете создать какую-то новую структуру? Ещё одну комиссию? У нас и так бюрократии хватает.

— Нет! — я даже подался вперёд. — Я предлагаю не создавать новое с нуля, а использовать то, что уже есть и доказало свою эффективность. Я предлагаю поручить функцию личной охраны высших лиц государства вам. То есть ВЧК.

В кабинете повисла тяжёлая тишина. Было слышно только гудение пламени в камине и далёкий гудок паровоза за окном.

Дзержинский медленно выпрямился и отошёл от стола. Он прошёлся по кабинету, заложив руки за спину.

— Интересная мысль... И опасная.

— Почему опасная? — спросил я.

Он остановился и посмотрел мне прямо в глаза:

— Потому что это превращает ВЧК из органа борьбы с контрреволюцией и саботажем в личную гвардию власти. Это даст нашим политическим оппонентам внутри партии огромный козырь. Троцкий скажет: «Дзержинский создаёт свою преторианскую гвардию». Оппозиция обвинит нас в бонапартизме.

Я был готов к этому аргументу.

— Товарищ Дзержинский... А разве сейчас охрана Смольного, это не хаос? Разве сейчас жизнь Ленина не зависит от случая и храбрости случайных попутчиков вроде товарища Платтена? Сейчас охраны как системы просто нет! Есть разрозненные патрули.

Я встал и подошёл к карте Петрограда, висевшей на стене рядом с рабочим столом Дзержинского.

— Смотрите... Если мы создадим внутри ВЧК специальное подразделение, назовём его пока «Отдел по особым поручениям» или «Комиссия по охране руководства», это будет компактная, профессиональная структура. Её бойцы будут не просто солдатами с винтовками. Они должны быть вашими лучшими сотрудниками: незаметными, проверенными идеологически и профессионально. Они должны уметь думать, как заговорщики, чтобы предугадывать их ходы.

Дзержинский слушал молча, не перебивая.

— Такое подразделение будет подчиняться напрямую вам и Совнаркому через Петерсона или другого доверенного лица. Оно не будет раздувать штаты наркоматов. Оно будет работать тихо и эффективно. И главное, оно будет находиться под контролем партии через вас лично.

Я повернулся к нему:

— Вы же сами говорили: «У чекиста должны быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки». Кто лучше ваших людей справится с задачей защитить сердце революции?

Дзержинский долго молчал. Он подошёл к окну и долго смотрел на серый лёд Мойки.

— Вы понимаете, какую ответственность на меня возлагаете? — спросил он глухо. — Если с Лениным что-то случится... это будет конец всему. Конец мне лично как руководителю ВЧК.

— Я понимаю это лучше многих, — ответил я тихо. — Именно поэтому я пришёл к вам. Не к Петровскому с его милицией, не к Крыленко с его солдатами. А к вам. Потому что борьба с террором, это ваша прямая задача.

Он медленно подошёл к столу и наконец взял мою папку. Провёл рукой по картонной обложке.

— Вы говорите убедительно... Слишком убедительно для человека вашего возраста и биографии. Иногда мне кажется, что вы знаете больше, чем говорите.

Я выдержал его взгляд:

— Я знаю историю попыток уничтожить тех, кто меняет мир. И я знаю цену ошибки в этом деле.

Дзержинский сел за стол и открыл папку. Он не стал читать всё подряд, а сразу нашёл выводы и предложения в конце документа. Его глаза быстро бегали по строчкам.

— Профессиональный отбор... Спецподготовка... Разработка маршрутов... Проверка окружения... Контрнаблюдение... — бормотал он себе под нос. — Это не просто охрана... Это целая наука безопасности.

Он поднял на меня взгляд:

— Вы предлагаете использовать методы царской «охранки» против самих же заговорщиков?

Я кивнул:

— Мы должны бить врага его же оружием, но во имя других целей. Их методы конспирации, наше оружие защиты. Их агентурная сеть, наша модель для контрразведки вокруг лидеров партии.

Дзержинский закрыл папку и положил на неё свою худую руку с длинными пальцами.

— Хорошо... Я изучу ваш проект детально. Но уже сейчас могу сказать: зерно истины в нём есть. Систему охраны нужно создавать централизованно и профессионально.

Он нажал кнопку звонка под столом. В дверях тут же появился дежурный чекист.

— Петерс ещё здесь?

— Так точно, Феликс Эдмундович!

— Пусть зайдёт через пять минут с материалами по вчерашнему инциденту у Симеоновского моста. И пригласите ко мне товарища Беленького из комендатуры Смольного.

Он снова посмотрел на меня:

— А вы... останьтесь. Нам предстоит много работы по вашему проекту. Если мы это реализуем... вы понимаете, что вам придётся курировать создание этого отдела? Отныне ваша жизнь будет неразрывно связана с безопасностью товарища Ленина.

Я кивнул:

— Я готов к этому.

Дзержинский едва заметно улыбнулся уголками губ:

— Я так и думал.

Мы замолчали в ожидании Петерса. Тишину нарушало лишь тиканье настенных часов да треск поленьев в камине. Я сидел в жёстком кресле напротив человека-легенды и понимал: моя жизнь изменилась навсегда.

Глава 11

Глава одиннадцатая. Щит и меч: спор в Смольном

Зал заседаний Совнаркома в Смольном 15 января 1918 года (2 января по старому стилю) напоминал растревоженный улей. Обычно здесь кипели споры о хлебе, мире и национализации, но сегодня воздух был наэлектризован тревогой иного рода. Тема заседания, обозначенная в повестке как «О мерах по обеспечению безопасности высших должностных лиц Республики», собрала всех. Даже те, кто обычно пропускал рутинные заседания, явились в полном составе. Вчерашнее покушение на Ленина не оставило равнодушным никого.

Я сидел в дальнем конце длинного стола, чувствуя себя неуютно под перекрестными взглядами. Рядом со мной, прямой и собранный, сидел Феликс Дзержинский. Напротив, во главе стола, расположился Владимир Ильич Ленин. Он был, как всегда, энергичен, но в его глазах читалась усталость и легкое раздражение. Он не любил, когда его отвлекали от «настоящей работы», управления государством, на вопросы собственной безопасности.

Секретарь огласил повестку дня. Слово взял Дзержинский. Он встал, положил перед собой мою папку с концепцией и обвел собравшихся тяжелым, пронизывающим взглядом.

— Товарищи! Событие у Симеоновского моста, это не просто хулиганская выходка или выстрел безумца. Это объявление войны. Войны тайной, подлой и направленной на физическое уничтожение руководства нашей партии и правительства.

В зале повисла тишина. Дзержинский говорил тихо, но его голос был слышен в каждом углу.

— Мы имеем дело с организованным противником. Противником, который изучает маршруты, использует момент публичности и действует профессионально. Если вчера пуля пролетела мимо, это не значит, что завтра она не попадет в цель.

Он открыл папку.

— Товарищ Краев, — он кивнул в мою сторону, — по моему поручению разработал концепцию создания системы государственной охраны. Это не просто предложение выставить караул у дверей. Это проект создания профессионального, централизованного органа защиты.

Дзержинский начал излагать основные тезисы моего плана: отбор кадров из числа наиболее проверенных чекистов, создание системы контрнаблюдения, разработка безопасных маршрутов, проверка окружения объектов охраны.

— Предлагается создать при ВЧК специальное подразделение, Комиссию по охране руководства Республики. Это позволит нам использовать уже имеющийся опыт агентурной работы и конспирации для защиты наших вождей от тех, кто хочет их убить.

Когда он закончил, в зале снова стало тихо. Первым нарушил молчание Ленин. Он встал, опершись руками о стол, и окинул всех своим знаменитым прищуром.

— Товарищи! Я категорически против! — его голос зазвенел металлом. — Что это за разговоры? Охрана? Я не царь Николай! Я не Керенский! Я езжу на том же автомобиле, что и любой другой товарищ! Я хожу по тем же улицам! Создание какой-то особой охраны, это первый шаг к отрыву вождей от масс! Это создание касты избранных!

Он обвел взглядом присутствующих:

— Вы хотите превратить нас в каких-то бонз, за которыми бегают адъютанты с револьверами? Нет! Это недопустимо! Это идеологически вредно! Революция делается массами, а не охраняется жандармами!

В зале одобрительно загудели. Идея Ленина о равенстве и близости к народу была священна.

Но тут слово взял Сталин. Он медленно поднялся со своего места в углу, не спеша выбил пепел из трубки в пепельницу и лишь потом заговорил своим тихим, с характерным акцентом голосом:

— Товарищ Ленин говорит, как идеалист. А мы должны быть реалистами. Враги революции, это не идеалисты. Они стреляют вполне реальными пулями из реальных револьверов. Сталин сделал паузу, обводя всех тяжелым взглядом:

— Однако я должен возразить товарищу Дзержинскому по форме предлагаемого решения.

Он повернулся к Феликсу Эдмундовичу:

— Вы предлагаете создать эту службу внутри ВЧК. Но разве ВЧК, это орган охраны? Нет! ВЧК, это меч революции! Меч для борьбы с контрреволюцией! А вы предлагаете превратить меч в щит для отдельных лиц.

Сталин говорил медленно, но каждое слово падало весомо:

— Это создает опасный прецедент. ВЧК получает функции личной гвардии. Это усилит позиции товарища Дзержинского до неконтролируемых высот. И это... размывает функции наркоматов.

Я похолодел. Сталин был против не самой идеи охраны, а против того, чтобы ее возглавлял Дзержинский.

И тут я увидел движение в другом конце стола. Лев Троцкий, до этого молчавший и рисовавший что-то в блокноте, поднял голову и криво усмехнулся:

— Совершенно верно, товарищ Сталин! Я полностью поддерживаю это опасение!

Троцкий встал, театральным жестом поправил пенсне:

— Мы строим государство диктатуры пролетариата, а не личную диктатуру безопасности! ВЧК и так обладает огромной властью. Передавать ей еще и функции охраны, значит создавать монстра! Государство в государстве!

Он повернулся к Ленину:

— Владимир Ильич прав в своем пафосе насчет равенства! Но он ошибается в оценке опасности! Опасность реальна! Но решение должно быть иным!

Троцкий обвел всех победным взглядом:

— Предлагаю создать отдельную службу! При Наркомате по военным делам! Мы создадим отряд из лучших бойцов Красной Армии и матросов Балтфлота! Это будет не тайная полиция, а открытая охрана из героев революции!

Дзержинский побледнел от гнева:

— Товарищ Троцкий! Ваши «герои революции» вчера не смогли защитить товарища Ленина от одного стрелка! А мои люди знают, как ловить таких стрелков! Они знают методы конспирации врага!

Троцкий парировал мгновенно:

— А ваши люди знают методы провокации врага! Мы не можем доверять охрану вождям тем, кто сам привык быть карающим мечом над головами!

Спор накалялся. Ленин молчал, переводя взгляд с одного спорщика на другого. Он видел раскол в своих же рядах по вопросу, который считал второстепенным.

Внезапно со своего места поднялся Григорий Петровский:

— Товарищи! Стоп!

Его мощный бас перекрыл шум спора.

— Мы спорим о форме, забыв о содержании! Товарищ Ленин говорит о принципах, и он прав! Товарищи Дзержинский и Троцкий спорят о власти, и они оба правы со своей колокольни! Но вопрос стоит просто: будет охрана или нет?

Он посмотрел прямо на меня:

— Товарищ Краев здесь? Пусть он скажет, как автор концепции: так ли уж важно, будет эта служба при ВЧК или при Военкомате? Важен ли цвет формы или важна сама суть дела?

Все взгляды снова обратились ко мне. Я встал, чувствуя дрожь в коленях.

— Товарищи наркомы... Я... Я согласен с товарищем Петровским. — Я сглотнул комок в горле. — Суть концепции не в том, кто носит кожанку или бушлат. Суть в профессионализме. В системе. В методах.

Я посмотрел на Ленина:

— Владимир Ильич... Вы говорите о близости к народу. Но народ не простит нам, если мы позволим врагам убить вас. Ваша смерть станет ударом по всей революции страшнее любых слов о «касте избранных».

Я перевел взгляд на Сталина и Троцкого:

— Товарищ Сталин боится усиления ВЧК. Товарищ Троцкий хочет создать свою гвардию. Но враг не будет спрашивать у вас удостоверения ведомства перед тем, как спустить курок!

Я сделал глубокий вдох:

— Предлагаю компромисс... Чтобы снять все политические вопросы... Создать самостоятельный орган. Не при ВЧК и не при Военкомате. А при Президиуме ВЦИК или Совнаркома напрямую.

Я посмотрел на Дзержинского:

— Феликс Эдмундович... Вы правы: ваши люди знают методы борьбы с террором лучше всех. Предлагаю вам лично курировать создание этой службы с точки зрения профессионализма кадров и методов работы.

Затем я посмотрел на Троцкого:

— А Лев Давидович мог бы обеспечить эту службу транспортом, связью и вооружением через свои структуры.

В зале повисла тишина. Ленин задумчиво постучал пальцами по столу.

— Хм... Самостоятельный орган... Это меняет дело... Это уже не личная гвардия Дзержинского или Троцкого...

Сталин хмыкнул:

— Интересный ход... Снять вопрос о ведомственной принадлежности...

Троцкий пожал плечами:

— Если это обеспечит безопасность без усиления позиций Железного Феликса... Я готов рассмотреть.

Ленин медленно встал. Спор затих.

— Хорошо... Мы зашли в тупик идеологических споров там, где нужен прагматизм. Предложение товарища Краева о самостоятельном статусе службы кажется мне разумным выходом из политического клинча.

Он обвел всех тяжелым взглядом:

— Охрана будет создана. Это решение Совнаркома не обсуждается. Вопрос о покушениях закрыт раз и навсегда.

Он посмотрел на меня:

— А начальником этой новой службы... я предлагаю назначить товарища Краева.

У меня перехватило дыхание.

— Владимир Ильич... Я историк... У меня нет опыта...

Ленин усмехнулся своей знаменитой лукавой усмешкой:

— Именно поэтому вы и подходите лучше всего, товарищ Краев. Вы знаете, историю покушений лучше любого царского жандарма. Вы смотрите на проблему системно. И вы... достаточно нейтральная фигура для всех фракций здесь присутствующих.

Дзержинский кивнул мне с едва заметной одобрительной улыбкой. Решение было принято. История сделала еще один виток. Я перестал быть просто наблюдателем из будущего или аналитиком в наркомате. Я стал начальником службы охраны первого человека государства. Впереди была огромная работа по созданию структуры с нуля в условиях хаоса.